

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Х., Мескин В.А. Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71090 EDN: STVPLK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71090

Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци

Чжан Хуэйчжэнъ

ORCID: 0009-0004-5281-9074

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042225077@pfur.ru

Мескин Владимир Алексеевич

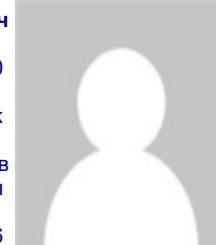
ORCID: 0000-0003-2260-8060

доктор филологических наук

профессор; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ vameskin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71090

EDN:

STVPLK

Дата направления статьи в редакцию:

21-06-2024

Аннотация: В статье рассматривается отражение творчества Антона Павловича Чехова в произведениях известного современного китайского писателя Ван Цзэнци, неоднократно заявлявшего о влиянии русского прозаика на его сочинения. Цель настоящей работы заключается в рассмотрении генезиса творчества Ван Цзэнци, в определении того, как конкретно проявляется влияние прозаика XIX века на прозаика XX века. Опираясь на теорию сравнительного литературоведения А. Веселовского и В. Жирмунского, анализируются наиболее известные рассказы Ван Цзэнци, такие, как

«Лао Лу» (1945), «Смерть лебедя» (1980), «Истязания котов» (1986), «Блины с маслом» (1980), «Роса» (1993), «Мясо голландской коровы» (1988), «Седан Хунци» (1993), «Тетя Сюэ» (1995), в которых особенно отчетливо проявилось влияние мастера и учителя. Литературоведы относят названные рассказы к самым выразительным в художественном отношении. В сопряжении с методом сравнительного изучения в ходе исследования использовались другие методы – биографический, герменевтический. Авторы статьи указывают на узнаваемые доминанты стиля русского писателя, отчетливо проявившиеся в работах Ван Цзэнци – тяготение к объективности, к детальному отображению действительности при некоторой недоговоренности, к амбивалентности, к легкой иронии в обрисовке жизненных явлений. Все эти и другие особенности стилевой манеры Ван Цзэнци позволяют утверждать, что он действительно внял урокам русского мастера. При этом отмечается гибкость восприятия чеховской поэтики китайским прозаиком, его умение органично соединять национальные и зарубежные начала. Новаторство статьи заключается в обнаружении типологических и генетических связей творчества Антона Чехова и Ван Цзэнци, связей, которые ранее не были отмечены литературоведами ни в Китае, ни в России. Данная работа может способствовать активизации рассмотрения историко-литературных связей России и Китая, способствовать расширению тематики работ такого рода, что в итоге будет углублять дальнейшее взаимопонимание двух народов.

Ключевые слова:

Антон Чехов, Ван Цзэнци, литературоведение, русская литература, китайская литература, рассказы, поэтика, типология, рецепция, влияние

Сравнительное литературоведение – продуктивное направление современной филологии. В. Жирмунский, продолжая учение А. Веселовского, кроме прочих, как особо важное, выделил сравнение литературных явлений, обусловленных генетическими связями на основе культурных взаимодействий, влияний, заимствований, обусловленных близостью народов, схожестью общественно-исторических обстоятельств [1, с. 194]. В эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов, в частности русской и китайской, стало особенно актуально.

В этом плане есть основание обратить внимание на Антона Павловича Чехова, который является одним из наиболее известных и читаемых зарубежных писателей в Китае. Почти все его произведения переведены на китайский язык. Знакомство китайской аудитории с творчеством мастера началось в начале XX века с перевода повести «Черный монах» (1907). Интенсивное развитие китайского чеховедения началось после основания Китайской Народной Республики в 1949 году.

Несомненно, творчество Чехова оказало самое существенное влияние на китайскую словесность.Lu Синь, основоположник современной китайской литературы, считал творчество Чехова важнейшим в ряду работ известных зарубежных авторов, поскольку оно «особенно понятно китайскому миру» [2, с. 219]. Мастерство русского прозаика близко многим выдающимся китайским писателям, в том числе и Ван Цзэнци (1920–1997) – одному из крупнейших прозаиков и драматургов новейшей китайской литературы. Сам он неоднократно признался, что «из зарубежных писателей, Чехов больше всех других вдохновлял его» [3, с. 288]. При этом литератор, исходя из своего опыта, отмечал, что «произведения великих предшественников формируют мастерство писателей

последующих поколений, их личностные качества» [\[4, с. 336\]](#).

Любовь к Чехову китайский прозаик пронес через все годы творчества. В конце жизни он утверждал, что Чехов-экспериментатор открыл «новую эру в жанре рассказа». Ван Цзэнци акцентировал внимание на чеховском отображении подлинной жизни, на переходе мастера «от традиционной устоявшейся структуры к более свободной, способствовавшей аутентичности повествовательной манеры» [\[4, с. 340\]](#). Сам Ван Цзэнци относился к писателям-экспериментаторам, обращаясь к приему «потока сознания», разрушал границы между прозой и поэзией. В итоге многие его рассказы «перестают быть просто рассказами» [\[4, с. 165–166\]](#). Лирическая стихия, как известно, была характерна для прозы и особенно для драматургии Чехова. То есть и здесь, можно предполагать, есть чеховское влияние.

Для примера можно обратиться к раннему рассказу прозаика «Лао Лу» (1945), примечательному, в частности, тем, что в нем упоминается герой из «Крыжовника» Чехова. В этом повествовании обрисован персонаж, который мечтает купить дом с садом, выращивать овощи, цветы и на этом построить свое счастье. Представленный характер, несомненно, вызван к жизни чеховским Чимшой-Гималайским, не случайно близкие называют его «господин крыжовник». Значительно и то, что техника построения этого рассказа именно чеховская. Как известно, движение сюжета у Чехова определяется движением не «от события к событию», а именно «от настроения к настроению» [\[5, с. 53\]](#). Показательно, что и в «Лао Лу» сюжетная линия едва просматривается, все идет по заложенному в произведение лирическому настроению. «Ни каких сюжетов не нужно, – говорил Чехов – нужны новые формы» [\[6, с. 291\]](#). Поиском новых форм выделялись художества Ван Цзэнци. Согласно его мнению, в отличии от классиков прошлого, например, от О. Генри или Г. Мопассана, русский писатель не думает о формальностях, о композиции, пишет непринужденно, свободно, уходя от «сложившихся штампов» [\[3, с. 288\]](#).

Вряд ли Чехов совсем не думал о построении своих произведений, но в целом мысль китайского литератора понятна и ее уловил последователь из Поднебесной. К свободной форме чаще обращался поздний Чехов, в этом смысле характерны такие его сочинения, как «Отрывок» или «Из записной книжки старого педагога», представляющие собой описания слабо связанных между собой фрагментов жизни. В схожей манере написаны такие сочинения Ван Цзэнци, как «Знакомый» или «Сон» (год написания не указан). Ван Цзэнци, писатель эпохи модернизации искусства, и в этом направлении шел дальше, более поздние его, условно говоря, рассказы по своей форме сближаются со стихотворениями, обилием диалогов – с пьесами. У него наблюдается сознательная установка – уйти от формальностей классического рассказа. Это отчетливо заявлено во многих его сочинениях, в таких, например, как «Биография кавалериста» (1979), «Смерть лебедя» (1980), «Восемь тысяч лет» (1983).

После культурной революции 1970-х годов в китайской литературе появились такие литературные течения, как «литература шрамов», «литература переосмыслиния», «литература реформ», которые тесно связаны с пониманием возможностей человека [\[7, с. 190–191\]](#). К середине 1980-х годов сфера переосмыслиния расширилась, при этом в поле основного внимания наряду с вопросами социально-политическими вошли вопросы истории, культурной идентичности. Так образовалось новое течение – литература поиска корней. Все эти литературные течения, естественно, связаны происходившей модернизацией китайского общества. В такой период репрессированный на десять и

более лет Ван Цзэнци вернулся на литературную арену со своим близко чеховским пониманием народности, историзма [с. 8, 83–86].

Примечателен в этом смысле рассказ «Смерть лебедя», отдаленно напоминающий стихотворение в прозе. Бывшая балерина, чью судьбу сломали репрессии, наблюдает вместе с детьми за лебедями, плавающими по озерной глади. Неожиданно раздаются выстрелы, одну птицу охотники убивают, другие, напуганные, улетают. Дети в смятении просят улетевших лебедей вернуться, на этом и заканчивается рассказ. «Смерть лебедя» – реминисценция чеховской «Чайки».

В русском культурном сознании присутствует целый ряд чеховских мемов, связанных с такими словами, как палата, футляр, сад, с судьбами типичных персонажей. Так и Ван Цзэнци внес в сознание своих соотечественников ряд запоминающихся образов, породил запоминающиеся мемы. В этом рассказе образ лебедя имеет глубокое обобщение. Убитая птица соотносится с поломанной репрессией судьбой женщины-балерины, некогда танцевавшей на сцене партию лебедя в известном балетном спектакле.

Мем рожден и рассказом «Истязания котов» (1986). Дети находят удовольствие в том, чтобы мучить несчастных животных. Рассказ аллегоричен, его суть в том, что мучители – дети репрессированных родителей. Истязаемые коты – прямая корреляция с истязаемыми репрессиями людьми, и те, и другие – без вины виноватые. По мнениям китайских литературоведов, гуманизм и сочувствие к маленьkim людям являются одной из особенностей творчества Ван Цзэнци [9, с. 43]. Понятно, то же самое можно говорить о творчестве Чехова, гуманизм которого изначально скрыт глубоко в подтексте. С другой стороны, можно заметить, Ван Цзэнци, писатель жесткий, создавший много трагических картин «вне событий», в некотором смысле по-чеховски хладнокровен, предельно объективен. И здесь чувствуется влияние русского мастера, советовавшего писателям пребывать как бы вне изображаемого, при этом зная изображаемое до последней мелочи, глядеть на описываемые события «как бы сверху вниз» [6, с. 299]. Именно с этой позиции Ван Цзэнци и показал драматичные события китайской истории.

Известно, Чехов выступал против лжи в искусстве [6, с. 280]. Путем суровой правды шел и Ван Цзэнци. О несправедливости, о страшном голоде 1960-х годов в Китае его рассказ «Блины с маслом» (1980). В центре повествования мальчик, который не может понять, почему одни люди ведут сырый образ жизни, другие, как его бабушка, умирают от голода. В finale ребенок ест блины и плачет, вспоминая бабушку. Ван Цзэнци скрупулезное описание, он не описывает напрямую внутренние переживания ребенка, он иначе заставляет читателя прочувствовать драматизм происходящего. И здесь вспоминаются советы Чехова, отмечавшего, что лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героя [6, с. 36]. В этом контексте с необходимостью вспоминаются многие сочинения прозаика, достаточно назвать такие, как «Приданое», «Горе», «Тоска», «Нахлебник», «Душечка». Внутренний мир персонажей здесь заслоняется их словом, поведением, жестом.

Говоря об объективности, Чехов признавался, что садился писать тогда, когда чувствовал себя «холодным, как лед» [6, с. 298]. Очевидно, что и Ван Цзэнци старался писать в этом состоянии, его «объективное повествование» признавали и признают многие китайские ученые. [10, с. 68]. Яркий пример – рассказ «Роса» (1993), повествование о женщине, потерявшей мужа, ребенка, второго мужа, но ей надо жить,

выживать, выходить на работу. Автор ничего не говорит о чувствах несчастной женщины, но они совершенно понятны читателю. По мнению Ван Цзэнци, недоговоренность есть «уважение к читателю» [11, с. 112]. В другом случае он уточняет сказанное, пишет, что в идеале произведение создается «совместно автором и читателем», что процесс творчества завершается тогда, когда читатель прочтет созданный автором текст [3, с. 292]. Известно, некогда за «недосказанность» упрекали и Чехова, тогда как этим приемом он проявлял доверие читателям: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подбавит сам» [6, с. 146].

Для Ван Цзэнци реализм, – это и есть правдивое изображение жизни. О важности правдивого изображения жизни, как известно, не раз высказывался и Чехов, причем это изображение оба писателя понимали широко, было в их сочинениях место и гротеску, и иронии. В драматичном рассказе «Мясо голландской коровы» (1988) Ван Цзэнци возвращается к голодному периоду истории. Работники сельскохозяйственного института радуются случайной смерти коровы, с нетерпением ждут возможности поживиться мясом падшей буренки. Этими ожиданиями был недоволен их начальник. При этом после работы он сам спешит в столовую, много и жадно ест. В рассказе по-чеховски соединяется драматическое и комическое, а образ лицемерного начальника типологически напоминает чеховских персонажей, типа Очумелова из «Хамелеона». И у одного, и у другого автора важен поступок, который бросает яркий свет на их внутренний мир.

Ирония «работает» во многих сочинениях Ван Цзэнци, таких, например, как «Седан Хунци» (1993) или «Умер» (1996). Очень чеховская ситуация обыгрывается в рассказе «Седан Хунци», осмеивается извечное пристосленчество. Полиция грубо обходится с человеком на велосипеде, решительно выписывает штраф за нарушение правил дорожного движения, но не смеет сделать замечание тому же человеку, когда тот едет на машине престижной, на которой, как правило, разъезжает высокое начальство. И здесь срабатывает принцип «как бы чего не вышло», но уже в другой ситуации.

Много общего у Ван Цзэнци и Чехова в тематике, в последнее десятилетие творчества – в произведениях о любви и даже о запретной любви, о которой немало писал Чехов, но очень мало китайские авторы. Характерен рассказ Ван Цзэнци «Тетя Сюэ» (1995). Его главная героиня, сорокалетняя Сюэ, впервые почувствовала себя настоящей женщиной, греховно сойдясь с коллегой. Женщина по-настоящему влюблена, не обращает внимание на разговоры о ее измене мужу, считает себя естественным человеком, который имеет право на любовь.

Тетя Сюэ – это тип Гурова из «Дамы с собачкой», человека, который, прожив сорок лет, не познал настоящей любви. В обеих рассказах описывается штурм чувств. При этом Чехов скрывает свое отношение к описываемым событиям, предпочитает открытый финал, Ван Цзэнци передает авторскую идею более определенно. Повествователь «Тети Сюэ» видит в женщине «свободную личность», здоровую и физически, и психологически [12, с. 435]. В своем отношении к личности Ван Цзэнци переосмыслияет здесь традиционные взгляды, этику конфуцианства, которая до сих пор значима для китайцев [13, с. 123]. Прозаик писал «об освобождении человеческой природы», предлагал более гуманную концепцию любовных отношений [11, с. 76]. В этих и других рассказах на тему адюльтера Ван Цзэнци не формально смотрит на явления жизни, понимает их, как и Чехов, во всей сложности, высоко ставя истинные чувства.

Ван Цзэнци неоднократно выражал уважение и любовь к русскому художнику слова. «Мне очень нравится Чехов, – писал он, будучи уже известным прозаиком, – его свободный стиль, горькие размышления о жизни, в которых чувствуется теплая душа мастера. Я воспринимаю его как чрезвычайно современного писателя» [\[14, с. 286\]](#). Не удивительно, что в творчестве Ван Цзэнци отчетливо проявляются и генетические, и типологические связи с чеховскими сочинениями. Они заявляют о себе на уровне содержания, в аллюзиях, реминисценциях, на уровне формы особенно в сочетании «говорящей» детали, символики, иронии – с недосказанностью, с указаниями на амбивалентности жизни и т.д.

Ван Цзэнци – национально настроенный писатель, ему принадлежит утверждение о необходимости создания таких произведений, которые сияли бы «блеском китайской культуры» [\[15, с. 371\]](#). Именно поэтому его дань глубокого уважения русскому писателю особенно значима.

Библиография

1. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Ленинград.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 194.
2. Лу Синь. Пол. соб. соч. Лу Синя, том шестой. Пекин.: Народная литература, 1981. С. 219. (鲁迅. 鲁迅全集第6卷. 人民文学出版社, 1981)
3. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци. Том четвертый, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第4卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
4. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци. Том третий, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第3卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
5. Крючков В.П. Рассказы и пьесы А. П. Чехова: ситуации и персонажи. Саратов: Лицей, 2002. С. 53.
6. Чехов. А.П. Чехов о литературе. М.: Гослитиздат, 1955.
7. Тянь Чжунъян, Чжао Шуцинь. История современной китайской литературы. Хайкоу: Наньхайская издательская компания, 2006. С. 190–191. (田中阳, 赵树勤. 中国当代文学史. 南海出版公司, 2006.)
8. Лин Сяньчжи. Ван Цзэнци: китайский лирический гуманист // Литературное обозрение реки Янцзы. 2023. № 2. С. 83–86. (林贤治. 汪曾祺: 一个中国式的抒情的人道主义者 // 扬子江文学评论. 2023. № 2.)
9. Дун Цзяньсяон. О влиянии Чехова на новеллистику Ван Цзэнци // Журнал Цинхайского педагогического колледжа. 2004. № 6. С. 43. (董建雄. 论契诃夫对汪曾祺小说创作的影响 // 青海师专学报. 教育科学. 2004. № 6.)
10. Чжай Ецюнь. Дождь в западном окне, стук в колокол – о Ван Цзэнци и зарубежной литературе // Исследование современной китайской литературы. 2023. № 7. С. 68. (翟业军. 西窗雨, 叩响一口钟——论汪曾祺与外国文学. 中国现代文学研究丛刊. 2023. № 7.)
11. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том восьмой. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. (汪曾祺. 汪曾祺全集第8卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
12. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том второй. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 435. (汪曾祺. 汪曾祺全集第2卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
13. Чжай Вэньчэн. О конфуцианском эстетическом духе творчества Ван Цзэнци // Журнал теории. 2010. № 8. С. 123. (翟文铖. 论汪曾祺创作的儒家美学精神. 理论学刊. 2010. № 8.)

14. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том пятый, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 286. (汪曾祺. 汪曾祺全集第5卷. 北京师范大学出版社, 1998.)
15. Ван Цзэнци. Пол. соб. соч. Ван Цзэнци, том шестой, сборник эссе. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 1998. С. 371. (汪曾祺. 汪曾祺全集第6卷. 北京师范大学出版社, 1998.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения творчества одного из известных русских писателей 19 века А. П. Чехова. Кроме того, актуальность обуславливается возрастающим интересом к изучению китайского языка и культуры в нашей стране, а также сравнительно-сопоставительными исследованиями литератур двух стран. Автор обращается к чеховским образам, нашедших реализацию в произведениях китайского писателя Ван Цзэнци.

Материалом исследования послужили произведения китайского писателя, содержащие рецепции творчества А.П. Чехова.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: биографический, герменевтический, диалектический. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору практического материала и его анализу.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых представлено 8 книг-художественных произведений, что делает ничтожно малой теоретическую составляющую работы.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/ или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком.

К сожалению, отсутствует научная терминология, используется публицистический стиль речи. Однако, отметим, что текст статьи требует стилистической правки.

К примеру, «Положительное отношения к свободной ...» - рассогласование;

Оба писатели признаются, что в жизни бывает любовь, сопротивляться которой ей не в силах. «которой ей?»

Тете Сюэ во многом похожа на Гурова из ... (вероятно тётя?) и далее по тексту.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения

рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по истории отечественной и зарубежной литературы, теории литературы и текстологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, после 1) усиление научной составляющей статьи, обращения к терминологии литературоведения, 2) усиления списка теоретических источников и их цитирование в тексте статьи, 3) стилистической редакции текста, исправления грамматических и пунктуационных ошибок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сложно не согласиться, что «сравнительное литературоведение – продуктивное направление современной филологии», «в эпоху глобализации изучение взаимосвязи литератур разных народов, в частности и взаимопонимание русской и китайской литературы стало особенно актуально». Предмет исследования рецензируемой статьи – восприятие наследия А.П. Чехова в творчестве китайского писателя Ван Цзэнци. Выбранная для исследования тема, на мой взгляд, актуальна, интересна, нетривиальна. Как отмечается в начале работы, «необходимо обратить внимание на Антона Павловича Чехова, который является одним из наиболее известных и читаемых зарубежных писателей в Китае. Почти все его произведения переведены на китайский язык. Знакомство китайской аудитории с творчеством мастера началось в 1907 году с перевода повести «Черный монах». Изначально информация о Чехове была получена китайскими литературоведами из статей о нем, переведенных с японского, немецкого, английского и русского языков». Следовательно, признание значимости А. Чехова в Китае объективно, при этом влияние на литературу также верифицировано и конкретно. Область сопоставлений конкретизирована, что можно оценить положительно: «Мастерство русского прозаика близки многим выдающимся китайским писателям, в том числе и литератору Ван Цзэнци (1920–1997) – одному из крупнейших прозаиков и драматургов новейшей китайской литературы. Сам прозаик неоднократно признался, что «из зарубежных писателей, Чехов больше всех других вдохновлял его» [3, с. 288]. Писатель также отметил, что «произведения, которым отдает предпочтение писатель, часто влияют на его темперамент и становятся частью его личности», «любовь к Чехову китайский прозаик пронес через всю жизнь. В конце жизни он утверждал, что Чехов открыл «новую эру в жанре рассказа». Ван Цзэнци акцентировал внимание на чеховском отображении подлинной жизни, на переходе мастера «от традиционной устоявшейся структуры к более свободной, способствовавшей аутентичности повествовательной манеры». Материал имеет достаточно выверенный вид, общая концептуальная канва прописана достоверно. Режим сравнительного толка поддерживается в работе, собственно, это и определяет методологический пласт: «К свободной форме чаще обращался поздний Чехов, в этом смысле характерны такие его сочинения, как «Отрывок» или «Из записной книжки старого педагога», представляющие собой описания слабо связанных между собой фрагментов жизни. В схожей манере написаны такие сочинения Ван Цзэнци, как «Знакомый» или «Сон» (год написания не указан). Ван Цзэнци, писатель эпохи модернизации искусства, и в этом

направлении шел дальше, более поздние его, условно говоря, рассказы по своей форме сближаются со стихотворениями, обилием диалогов – с пьесами. У него наблюдается сознательная установка – уйти от формальностей классического рассказа. Это отчетливо заявлено во многих его сочинениях, например, «Биография кавалериста» (1979), «Смерть лебедя» (1980), «Восемь тысяч лет» (1983)». Ссылки / цитации даются по ходу работы равномерно, выверено: «По мнениям китайских литературоведов, гуманизм и сочувствие к маленьким людям являются одной из особенностей творчества Ван Цзэнци [9, с. 43]. То же самое можно говорить о творчестве Чехова, гуманизм которого изначально не был понятен. С другой стороны, можно заметить, Ван Цзэнци, писатель жесткий, создавший много трагических картин «вне событий», в некотором смысле почеховски хладнокровен, предельно объективен. Здесь чувствуется влияние русского мастера, советовавшего вне изображаемого, при этом «знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, стреху вниз» [6, с. 299]. С этой позиции Ван Цзэнци ярко и убедительно показал драматичные события китайской истории». Стиль в целом соотносится с научным типом, но, некоторые языковые неточности следует устраниТЬ, например, «и обеих рассказах описывается штурм чувств, сопротивляться которому у героев нет сил. Если говорить об отличиях, Чехов-повествователь, как известно, скрывает свое отношение к описываемым событиям, предпочитает открытый финал, Ван Цзэнци чаще пишет иначе, он по-своему возвышает Сюэ» и т.д. Желательно утяжелить выводы по тексту, расширить их в режиме дальнейшей разверстки темы. Список источников нуждается в правке, унификации необходима для придания тексту нужной научной значимости. В целом тема работы раскрыта, но материал желательно центрически обработать; позиция начала и конца труда нуждается в правке. После внесения необходимых корректировок статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Антон Чехов в творчестве Ван Цзэнци» выполнена в русле сравнительного изучения литератур. В ней в научный оборот вводится новый материал – выявлен корпус произведений Ван Цзэнци, которые связаны с русской литературной традицией. Данное обстоятельство обусловило ценность рецензируемой статьи. Необходимо отметить, что автору статьи удалось избежать главной трудности, с которой сталкиваются ученые, осуществляющие сравнительно-сопоставительные исследования. Он отмечает не только типологическое сходство (и даже не столько его), но выявляет генетическую связь художественной манеры и художественного мышления Ван Цзэнци с творчеством А.П. Чехова. Именно это придает особую значимость и достоверность наблюдениям и выводам автора статьи.

В чем усматривает автор статьи влияние А.П. Чехова на творчество китайского автора? Прежде всего он отмечает, что Ван Цзэнци использует чеховские сюжетные ситуации (рассказ «Лао Лу», например, он рассматривает как переосмысление рассказа Чехова «Крыжовник»), а также сам чеховский принцип организации сюжета, когда его движение осуществляется не от события к событию, а от настроения к настроению. Важно, что в качестве аргументов автор статьи использует не только свои читательские наблюдения и ассоциации, а привлекает высказывания Ван Цзэнци о принципах чеховской поэтики, его размышления над сюжетами чеховских рассказов.

Кроме перекличек на сюжетном уровне, автор статьи указывает на более тонкие типы

рецепции творческой манеры Чехова китайским автором. Так, анализируя рассказ «Смерть лебедя» он выявляет в нем реминисцентный слой чеховской «Чайки», указывает на нестандартность его формы (находит аналогию со стихотворениями в прозе), создающую особую лирическую тональность в произведении.

В статье отмечен еще один фактор, который связывает творчество Ван Цзенци с чеховской традицией, - это близкое к чеховскому понимание народности, историзма.

Автор статьи, выявляя связь творчества Ван Цзенци с творчеством Чехова, показывает, как адаптируются настроения, идейное содержание, предметные реалии, сюжетные ситуации в другой культурной традиции. По сути, он ставит вопрос о том, почему именно творчество Чехова так глубоко освоено китайской культурой.

Методологическую основу статьи составили труды В.М. Жирмунского по сравнительному литературоведению, а также работы китайских исследователей творчества Ван Цзенци. Автор демонстрирует уверенное владение заявленной методологией, ее продуктивность в исследовании русско-китайских литературных связей.

Выводы убедительны. Последовательно выдерживается научный стиль. В статье есть некоторые стилистические ограхи, но они немногочисленны и не влияют на понимание ее содержания.

Все высказанное позволяет рекомендовать статью «Антон Чехов в творчестве Ван Цзенци» к публикации.